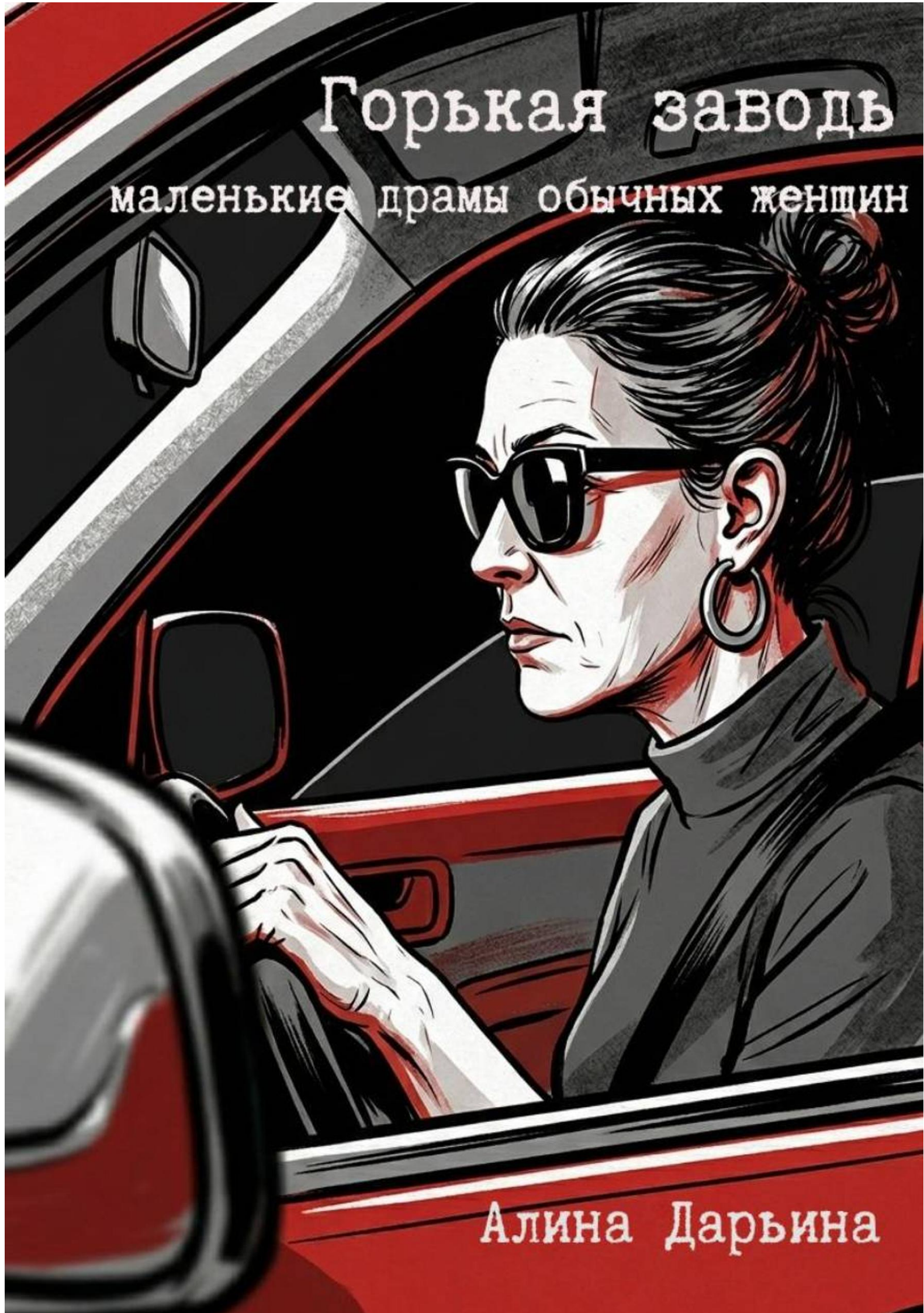


Горькая заводь

маленькие драмы обычных женщин



Алина Дарьина

Алина Дарьина

**Горькая заводь. Маленькие
драмы обычных женщин**

«Автор»

2026

Дарьина А.

Горькая заводь. Маленькие драмы обычных женщин /
А. Дарьина — «Автор», 2026

Небольшой сборник рассказов, в который рассказываются судьбы обычных женщин. Может быть, даже вашей соседки или подружки. И если вы думаете, что в этих бытовых драмах нет ничего интересного — вы ошибаетесь. Ведь по каждой этой истории можно снять кино.

© Дарьина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Последняя капля	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Горькая заводь. Маленькие драмы обычных женщин

Последняя капля

Вечерний город за окном задыхался в февральской слякоти, а в небольшой трехкомнатной квартире время, казалось, превратилось в густой, липкий сироп. Катерина повернула ключ в замке — два коротких, сухих щелчка, как два последних вдоха перед погружением.

В прихожей её встретил привычный натюрморт из брошенных кроссовок, ботинок, рюкзаков и пакетов. На вешалке криво висела куртка Миши, похожая на сброшенную кожу огромной рептилии. Катя прислонилась лбом к прохладному зеркалу. Из глубины на неё смотрела женщина сорока лет с лицом, которое, казалось, медленно стирали ластиком: сначала исчез блеск в глазах, потом — четкость губ, осталась только тонкая, как трещина на фарфоре, морщинка между бровями.

— Я дома, — произнесла она в пустоту. Голос прозвучал тускло, не вызвав даже колебания воздуха.

Из гостиной доносилось мерцающее сияние телевизора и истеричный звук прокручиваемой ленты соцсетей. Там, на диване, как на необитаемом острове, расположился Сергей. Его фигура под клетчатым пледом напоминала заросший холм. Кризис среднего возраста обложил его, как тихая осада: он не бунтовал, не покупал спортивных машин и не менял гардероб. Он просто медленно уходил в горизонталь, отгораживаясь от мира сияющим прямоугольником смартфона.

— Сереж, ты хлеб купил? — Катя вошла в комнату, не снимая пальто.

— Устал, Кать. Весь день как в мясорубке, — не оборачиваясь, ответил он. Его голос был плоским, лишенным интонаций, словно он читал инструкцию к бытовому прибору. — Давай завтра, а?

Она промолчала. Оспаривать его усталость было всё равно что пытаться раздвинуть стены — бесполезно и больно для рук. Катя прошла на кухню минуя дверь в детскую. Там, за закрытой дверью комнаты, гремели виртуальные взрывы — пятнадцатилетний Миша снова штурмовал невидимые крепости, прячась от реальности в пиксельном тумане.

— Настя, ты посуду помыла? Мы договаривались, — крикнула Катя в сторону стеклянной лоджии, в которой свила себе гнездо дочь Настя, недавно отметившая тринадцать лет.

— Ну, мам! — донеслось в ответ и Катя ясно представила эти закатанные глаза под светлой челкой. — У меня своя жизнь! И вообще, почему я всегда должна?

Катерина застыла посреди кухни. На столе сиротливо громоздилась гора невымытых тарелок, покрытых налетом жира — памятник всеобщей лени. В этот момент ей показалось, что она не человек, а просто сложная бытовая функция. Автоответчик. Клининговая служба. Повар. Источник дохода. Но не человек. Она включила воду. Шум струи, бьющей о металл раковины, стал единственным живым звуком в этом доме, где каждый заперся в своей собственной, непроницаемой капсуле. Катя смотрела, как вода стекает по её рукам, и вдруг поймала себя на мысли, что если она сейчас просто растворится в этом сливе, никто в комнате даже не заметит этого.

Если в собственной квартире Катерина была атлантом, который держал на своих плечах мир, то в отношениях с родителями она превращалась в бесконечный ресурс — колодец, из которого черпали ведрами, не заботясь о том, прибывает ли вода.

Утро началось не с кофе, а с резкого, дребезжащего звонка мобильного. Пять тридцать. Время, когда сны самые вязкие, а реальность кажется дурным наброском.

— Катя, отец опять не надел тапочки! — Голос Тамары Петровны в трубке вибрировал от праведного гнева, смешанного с театральным надрывом. — Он ходит босиком по ледяному кафелю, он хочет довести меня до инфаркта! У меня давление сто шестьдесят, я вызвала скорую, но они не едут. Ты слышишь? Им наплевать, что я умираю!

Катя села на кровати, нащупывая ногами холодный пол. Рядом Сергей даже не пошевелился — он умел филигранно имитировать глубокий сон, едва дело касалось чего угодно.

— Мама, выпей таблетку и ложись. Папа просто забыл. Я заеду после работы, — Катя говорила механически, чувствуя, как внутри натягивается еще одна невидимая струна.

Родители с годами совершили странное превращение: они не просто состарились, они семимильными шагами шли назад капризное детство. Мать превратила свои болезни в изысканный инструмент манипуляции, разыгрывая ежедневные драмы на подмостках маленькой кухни. А отец... Владимир Семенович пугал Катю больше. Его прежде острый, как бритва, ум инженера теперь напоминал старую библиотеку, в которой кто-то устроил погром.

— Катя? — раздался в трубке его далекий, растерянный голос, перехвативший инициативу у матери. — Катюш, а где мой справочник по сопрамату? И почему в ванной чужое пальто?

— Папа, это халат. Твой синий халат, — выдохнула она, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Эти провалы, эти странные вопросы были первыми трещинами в плетине. Деменция не приходит с грохотом, она вползает в дом на мягких лапах, стирая имена, даты и смыслы, оставляя вместо родного человека пустую оболочку с испуганными глазами. И как бы Катя ни пыталась гнать от себя эти подозрения, но понимала, что рано или поздно придется папу полностью обследовать. И она этого боялась.

Вечером, еще не успев снять сапоги после визита к родителям, она столкнулась в дверях с Сергеем. Он спешно натягивал куртку.

— Ты куда? Настя опять не сделала уроки, а Миша...

— Мать звонила, — буркнул Сергей, избегая её взгляда. — Опять сахар подскочил. Сказала, что ей плохо. Поехали, посмотришь.

На языке Сергея это означало: надо привезти продукты, и сидеть в телефоне, пока Катя сделает все остальное. А остального было много. Свекровь страдала диабетом и Катя готовила ей диетические ужины, что бы поддерживать здоровье мамы мужа. Настоящая битва за жизнь Валентины Андреевны всегда почему-то ложилась на Катю. Свекровь была женщиной сахарной не только по диагнозу, но и по характеру — мягкая, улыбочивая, она с упорством самоубийцы поглощала зефир и пряники, запивая их сладким чаем.

— Катенька, ну один кусочек не повредит, — ворковала она на прошлой неделе, пряча обертку от шоколадки под подушку, пока Катя измеряла ей уровень глюкозы. — Жизнь и так горькая, надо же хоть чем-то себя порадовать.

Для Валентины Андреевны Катя была не невесткой, а строгим надзирателем, которого нужно было обхитрить.

— Я сама к ней заеду в субботу, — устало произнесла Катя, когда они ехали назад. — Куплю ей диабетические сладости. Сергей, но она же снова наестся шоколада и конфет, если ты не проверишь буфет. Поговори с ней, ну нельзя же так, она в могилу себя загонит.

— Ой, не начинай, — он уже открыл дверь и заглушил мотор. — Она взрослая женщина, сама разберется. У меня и так голова кругом.

Катя вышла из машины и остановилась перед подъездом, окруженная невидимыми призраками чужих нужд, чужих капризов и чужой безответственности. Она чувствовала себя диспетчером на вокзале, где все поезда идут под откос, а она — единственная, кто пытается удерживать их на рельсах голыми руками.

Февраль решил добить Катерину ледяным дождем, который к утру превращал город в застывшее зеркало. Неделя началась не просто с тяжести — она началась с ощущения, что кислород в мире платный, и у Кати закончился кредит. На работе отдел аудита напоминал растревоженный улей. Проверки из головного офиса следовали одна за другой, и Катя часами гипнотизировала монитор, где цифры в отчетах сливались в бесконечный конвой муравьев. Глаза резало от сухости, а кофе в пластиковом стаканчике давно стал на вкус как переваренная горечь её собственных дней.

— Катерина Владимировна, тут в третьей секции не сходится баланс, — бесстрастно чеканила молоденькая ассистентка, чей безупречный маникюр раздражал Катю до зуда в ладонях. — Нужно перепроверить всё за четвертый квартал. К утру. Так что сегодня остаемся.

Еще три часа задержки в офисе. Хотя что уж греха таить, дома Катю ждал не тыл, а очередная линия фронта. Войдя в квартиру в девятом часу вечера, она споткнулась о брошенный в коридоре школьный рюкзак. Из кухни доносился запах чего-то подгоревшего и бессмысленный пустой звук работающего вхолостую телевизора.

— Настя, я просила запустить стирку! — крикнула Катя, чувствуя, как в висках начинает пульсировать тупая, тягучая боль.

Дочь выплыла из лоджии, не вынимая беспроводных наушников. Её взгляд, густо подведенный черным карандашом, был пропитан таким ледяным презрением, будто Катя была досадным насекомым.

— У меня проект по биологии, если ты не заметила. И вообще, купи себе домработницу, раз так бесит грязь, — бросила она и, картинно развернувшись, хлопнула дверь.

Миша даже не вышел. Из комнаты доносились отрывистые выкрики на английском и яростный стук клавиш — он убивал монстров, пока его мать медленно умирала от усталости в трех метрах от него.

Сергей привычно занимал свою цитадель на диване.

— Кать, там мать звонила три раза, — пробормотал он, не отрываясь от экрана телефона. — У неё опять сахар, наелась вафель. Я сказал, что ты освободишься и наберешь. А ещё твой отец... он звонил мне на рабочий. Спрашивал, где его документы и почему в его квартире живут посторонние люди. Кажется, он твою мать не узнал. Разберись, а? Я на пределе, на работе сокращения, у меня мигрень...

Слова мужа падали на Катю как тяжелые, мокрые камни. «Разберись». «Позвони». «Сделай». В этих коротких рубленых словах была зашифрована вся её жизнь — бесконечное разруливание чужих катастроф при полном отсутствии собственного пространства.

Накал достиг своего пика в одиннадцать часов одного морозного вечера. Катя, наконец, села за убранный кухонный стол, чтобы доделать рабочий отчет, и тут телефон зашелся в истерике. Мама.

— Катерина! Отец ушел! В домашних тапочках и куртке на босу ногу! Он сказал, что ему нужно на завод, на смену... Я не могу его догнать, у меня сердце! Господи, Катя, сделай что-нибудь!

Катя вскочила, опрокинув чашку с остывшим чаем. Темная лужа медленно растекалась по белой скатерти, впитываясь в ткань, как чернила в промокашку. Она посмотрела на мужа — тот лишь прибавил звук в телевизора, закрывшись от мира. Она накинула пальто прямо на домашний халат и выбежала в ледяной февраль, даже не удосужившись закрыть дверь. В голове билась одна-единственная, пугающая своей чистотой мысль: «Если я сейчас просто не вернусь, они заметят?»

Зимний воздух за дверью подъезда ударил в лицо наотмашь, словно ледяная ладонь. Катя бежала к машине, не чувствуя, как кроссовки мгновенно пропитываются грязным месивом из снега и реагентов. Легкое пальто, брошенное на халат, было лишь иллюзией защиты. Катя домчалась до родительского дома и бросив машину у подъезда побежала по узким тропкам

вокруг пятиэтажек. Она выкрикивала имя отца, и её голос гас в пустых, вымерзших дворах, поглощаемый равнодушным гулом города. Она нашла его на соседней улице, возле закрытого киоска «Печать». Владимир Семенович стоял под желтым пятном фонаря, сжимая в руках старый потертый портфель, с которым не расставался тридцать лет. На нем была домашняя куртка, застегнутая не на те пуговицы, и нелепые клетчатые тапочки, уже превратившиеся в два тяжелых ледяных комка.

— Папа! — Катя бросилась к нему, задыхаясь.

Он вздрогнул и поднял на неё глаза — огромные, полные детского, первобытного ужаса. В этом взгляде не было инженера, не было главы семьи, не было мужчины. Там была только потерявшаяся душа, запертая в лабиринте гаснущего разума.

— Катюша... — его губы посинели и мелко дрожали. — Я шел на смену. Но трамваи... трамваи сегодня не ходят, Катя. Я всё забыл. Я не знаю, где наш дом. Прости меня, дочка. Прости старика...

Он вдруг всхлипнул — страшно, по-стариковски, надрывно. Слезы прокладывали дорожки на его замерзших щеках. Катя обняла его, чувствуя, как от него пахнет холодом. Весь её гнев, вся усталость на мгновение утонули в этой волне щемящей жалости. Она была для него последним маяком в океане наступающей тьмы. Дорога назад казалась вечностью. Катя вела его под руку, чувствуя, как её собственное тело начинает бить крупная дрожь. В квартире родителей её ждал новый виток ада. Тамара Петровна, увидев их, не бросилась на помощь, а рухнула в кресло, картинно прижимая руку к груди.

— Вы меня в могилу сведете! — запричитала она, пока Катя стаскивала с отца мокрые носки и растирала его ледяные ступни. — У меня давление! Катя, принеси аппарат, я умираю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.